

бами создается впечатление непрерывных размышлений автора на одну и ту же главную для него тему.

Обращаясь к реальным сюжетам, автор заботится об их психологической характеристике. Так, например, краткое описание своего образа жизни в пустыне вводится сначала в традиционном изложении, но далее психологизируется. Житийной литературе был известен образец жизни пустычника, примером которого может послужить следующее описание: «Святой же в пустыни живяше, питаяся рукоделием своим... ведущий же его... приношаху ему потребная, он же... со благодарением принимаше, непрестанно богови моляся о них».⁵⁹ Один из пустытников, судившихся на соборе 1666 г., точно так же «питался де трудами своими, делал деревянное дело, а иное боголюбцы присылали».⁶⁰ Так же пишет о себе Епифаний: «А живя я в пустыни, сподобил мя бог питатися от рукоделия, а иное боголюбцы приносили... и я у них принимал... прося им милости у Христа» (236). Однако Епифаний выходит далеко за пределы традиции, развивая поднятую тему рассуждениями о своих психологических наблюдениях: «А в пустыни жити без рукоделия невозможно: понеже находит уныние и печаль, и тоска велика». С его точки зрения, «добро в пустыни псалмы, молитвы, рукоделие и чтение». Тема завершается авторской эмоциональной концовкой: оказывается, соблюдая эти правила в пустыне, «зело красно и весело жити. О, пустыня моя прекрасная!» (236).⁶¹

* *
*

Возникновение дидактической автобиографии на идейной и литературной основе житийной биографии сопровождалось существенным изменением жанра и стиля произведения и появлением новых условий для изображения человека, прежде всего его внутренней жизни. Эта попытка изображения переживаний человека обрела новые литературные возможности: отвлеченное наблюдение агиографа сменилось конкретным самонаблюдением автобиографа. Агиография имела возможность описывать состояние духа своих героев только со стороны, как бы извне иллюстрируя его повторением однотипных видений и чудес, имевших своей целью лишь подтвердить их святость. Составители житий не могли и не стремились раскрыть и последовательно проследить переживания своих героев. Это удалось сделать Епифанию, так как его дидактический автобиографизм при всей его ограниченности определялся целенаправленным намерением описать внутреннее состояние своей собственной души. Используемые для этой цели традиционные образы и сюжеты видений и чудес приобрели в его повествовании новую функцию, став одним из средств биографического самонаблюдения.

Появившиеся условия для возникновения этого примитивного психологического самоанализа были активно использованы автором в агитационных целях, так как концентрация читательского внимания на его душевных конфликтах должна была вызвать особенно поучительный эффект при последующем их разрешении с помощью небесных сил. По представлениям автора, как и всякого подвижника, все его конфликты с действительностью должны были получить разрешение именно по этому заранее известному способу (*deus ex machina*). В зависимости от этого психологическая само-

⁵⁹ Повесть о Мартирии... стр. 59.

⁶⁰ Материалы для истории раскола за первое время его существования, под ред. Н. Субботина, т. 2. М., 1876, стр. 19.

⁶¹ «Прекрасная пустыня», как известно, традиционный образ духовных стихов.